

УДК 343.3/7

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ,
НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ЧЕРЕЗ
ИНТЕРНЕТ**

Семенцова И. А., Федорова Е. А.

В статье рассматриваются особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 110-110.2 УК РФ с использованием глобальной сети Интернет. Смежные составы разграничиваются по способам совершения и наступившим последствиям. Критически оценена попытка законодателя разграничить уголовную ответственность за склонение к суициду, содействие самоубийству и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению суицида от общего состава доведения до самоубийства. Видится, что склонение, содействие, а также организация деятельности, направленной на возбуждение желание покончить с собой, является частным случаем соучастия доведения до самоубийства. Предлагается дополнить состав квалифицирующими признаками, придающими преступлению повышенную общественную опасность.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие в самоубийстве, соучастие.

Популяризация и массовое распространение в сети Интернет деструктивных сообществ, пропагандирующих совершение суицидальных поступков, послужила толчком к развитию уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за доведение и иное содействие действиям, направленным на самоубийство. В последнее десятилетие наблюдается тревожная тенденция к увеличению случаев суицидальных проявлений в виде попыток и завершенных актов самоубийств среди особенно среди детей и молодежи. В своем психолого-правовом исследовании Мещерякова А.В. и Цыкора А.В., рассуждая о склонениях несовершеннолетних к суицидальному поведению, выделяют 3 формы такого поведения:

1) истинный суицид, который предполагает сознательно направленные действия на лишение себя жизни, причинение тяжелых последствий своему здоровью, подвергание опасности, которые сопровождаются чаще всего депрессивным состоянием, угнетенным настроением, тяжелым эмоциональным состоянием;

2) демонстративный суицид как намеренный способ акцентировать внимание окружающих на себя, на свою личность, свои проблемы и переживания, своеобразный призыв о помощи, шантаж.

3) скрытый суицид, то есть спрятанное и завуалированное самоубийство, заключающееся в глубоком внутреннем саморазрушающем поведении, своеобразной игре со смертью [1, с. 138].

Несовершеннолетние, получившие психологические травмы, девочки - подростки, имеющие межличностные конфликты, одаренные дети, а также жертвы насилия по мнению психологов наиболее подвержены суицидальному поведению. При этом организующими и (или) склоняющими несовершеннолетних в Интернете к совершению суицида, становятся тоже, как правило, подростки, но из благополучных семей, которые относятся к своим жертвам с нескрываемым пренебрежением и жестокостью. Вместе с тем, кураторами «групп смерти» чаще являются совершеннолетние злоумышленники, имеющие существенные психологические проблемы, либо психические отклонения, а также склонные к

педофилии. Массовое использование сети Интернет, всевозможных мессенджеров и соцсетей, их доступность позволяет иным лицам активно использовать телекоммуникационные системы для склонения несовершеннолетних к девиантному поведению. Все чаще характерной чертой суицидальных мыслей и поведения становится так называемый «кибербуллинг», то есть запугивание и травля с использованием цифровых технологий, он-лайн атака.

В 2017 г. УК РФ дополнен ст. 110.1 Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и 110.2 Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства [2]. Редакция ст. 110 была дополнена частью, в которой указывается на квалифицирующий признак доведения до самоубийства: - деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет.

До принятия данных изменений уголовные дела по факту доведения до самоубийства или склонения к самоубийству дистанционно (через Интернет) возбуждались по ст. 110 УК РФ, из смысла которой доведение до самоубийства возможно лишь при личном контакте с потерпевшим путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Как следствие возникали проблемы правового и методического характера, т.к. доведение до самоубийства через Интернет не было урегулировано нормами уголовного законодательства. В действующей редакции УК РФ этот пробел устранен, а уголовная ответственность за доведение до самоубийства подобным способом ужесточилась. Так законодателем была осознана угроза использования информационных технологий, которые воздействуют на психику с целью склонения и доведения до самоубийства граждан, прежде всего, несовершеннолетних.

Вместе с тем при расследовании рассматриваемых деяний у правоприменителей возникают определенные сложности при квалификации противоправных действий, что связано с отсутствием устоявшейся судебно-следственной практики. Очевидны и законодательные «промахи», о которых и порассуждаем. Отличие рассматриваемых смежных составов преступлений суицидальной направленности весьма существенно влияет на практику применения, так как разграничение осуществляется по способам совершения самого деяния и наступившим последствиям.

Объективная сторона доведения до самоубийства выражается в том, что виновный выполняет действия, вынуждающие потерпевшего совершить самоубийство, либо действия, направленные на совершение суицида. Законодатель определяет способы доведения до самоубийства: угрозы; жестокое обращение; систематическое унижение человеческого достоинства. Таким образом, рассматриваемое деяние характеризуется действиями, связанными с физическим или психическим насилием. Уголовно-наказуемое деяние считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий (самоубийства или покушения на самоубийства).

Совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ) предполагает, что оно осуществляется путем размещения в социальных сетях, мессенджерах, YouTube, иных интернет-ресурсах обращений с угрозами в адрес потерпевшего, унижением его человеческого достоинства, видеороликов и фотографий со сценами жестокого обращения, которые доступны для просмотра и ознакомления неограниченному

количеству лиц. Поэтому действия виновного предполагают активное поведение в форме размещения вышеуказанных материалов и их опубликования на различных интернет-ресурсах (форумах, сайтах, страницах), в информационных сетях, что приводит к самоубийству потерпевшего или покушению на самоубийство. Между наступившими последствиями и действиями преступника должна существовать причинно-следственная связь.

Специфика Интернета, как информационно телекоммуникационной сети и средства массовой информации в целом, определяется ролевым предназначением глобальной сети, а именно возможностью распространения информации в отношении более широкого круга пользователей, предоставляя возможность ознакомления с информацией или участия в группах (сообществах) неопределенному кругу лиц.

Диспозиция статьи не определяет форму вины, мотивы и цели виновного лица. Поэтому логичным является вывод о том, что субъективная сторона состава преступления характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины, а преступные мотивы и цели не учитываются при юридической оценке деяния. Субъект указанного преступления общий, физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в данном случае, 16 лет. Вызывает вопросы также и объективная сторона преступления, предусмотренная ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Объективная сторона характеризуется преступными действиями лица, направленными на склонение к совершению самоубийства потерпевшего путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. Таким образом, способы совершения данного преступления могут быть самыми различными, и для квалификации деяния достаточно того факта, что виновный своими действиями склонил потерпевшего к суициду или поступку, направленному на его совершение. Тем самым состав преступления является формальным. Деяние признается оконченным с момента склонения лица к суициду, независимо от фактически наступивших последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего в результате противоправных действий виновного лица. Следует учитывать, что данное преступное деяние не может быть совершено путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, так как в этом случае действия виновного должны квалифицироваться по ст. 110 УК РФ.

При склонении к самоубийству возможно соучастие лиц. В зависимости от преступной роли виновный может выступать организатором, подстрекателем, пособником или соисполнителем преступления. Содействие в самоубийстве выражается в оказании потерпевшему помощи или услуги (интеллектуальной, информационной, моральной или физической) в лишении себя жизни.

В отличие от склонения к самоубийству, при содействии в совершении самоубийства законодателем установлен исчерпывающий перечень способов совершения данного деяния. Однако к набору указанных признаков следует относиться весьма критично. Уговоры и предложения являются вербальными средствами коммуникации. Получается, фактически любая фраза, сказанная в качестве предложения или аналогичной смысловой лексической конструкции, содержит признаки состава преступления. К примеру, фраза «Застрелись!» или «Убейся об стену!» содержит предложение на совершение самоубийства. А написанная в личном сообщении и распространенная с помощью сети Интернет такая фраза уже квалифицируется по части 3 ст. 110.1 УК РФ и предусматривает лишение свободы до 4 лет. А подкуп или

обман, используемые в качестве способа доведения до самоубийства вообще противоречат здравому смыслу. Пытаясь изобрести действенные уголовно-правовые барьеры, законодательные органы, по сути, ввели в действие абсурдный закон, который противоречит здравому смыслу.

По ч. 2 ст. 110.1 УК РФ было криминализовано содействие доведению до самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства. При этом, по нормам уголовного закона содействие советами, указаниями, предоставлением информации, средств и орудий совершения преступления квалифицируется как пособничество в совершении преступления по нормам ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Данная норма также же вызывает множество вопросов и споров к ее содержанию. Так Евдокимов К.М. полагает, что содействие в самоубийстве не может быть признано соучастием в преступлении в форме пособничества, потому что самоубийство преступлением не признается [3 с. 36]. Однако доведение до самоубийства является уголовно-наказуемым деянием. Следовательно, уголовная ответственность за пособничество должна наступать по ст. 110 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ. Считаем, что на лицо фактическое дублирование со стороны законодателя действующей нормы уголовного закона.

Содействие совершению преступления содержится в нормах о соучастии, и совершенно не имело смысла вводить его в состав еще одной статьи закона. Это равно, как разрабатывать отдельную статью для пособничества в совершении каждого из состава преступлений, содержащегося в Особенной части УК РФ – уголовный закон разрастется до невероятных размеров и перестанет выполнять свои основные функции. Склонение к совершению преступления также уже содержится в составе уголовного закона, по сути, это ничто иное, как подстрекательство, предусмотренное нормой о соучастии. Т.е. ст. 110.1 УК РФ является мертворожденной нормой.

Еще одним преступлением против жизни и здоровья, совершаемым с помощью высоких информационных, компьютерных, коммуникационных, когнитивных и других технологий, является деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за организацию деятельности, направленную на побуждение к совершению самоубийства. Преступление относится к категории особо тяжких и предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы.

Как и в предыдущих составах преступления, видовым объектом выступает жизнь человека как правовая ценность, а непосредственным – общественные отношения, гарантирующие право конкретной личности на жизнь, ее неприкосновенность.

Объективная сторона состава преступления характеризуется активными действиями по организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которое осуществляется двумя способами: распространением информации о способах совершения самоубийства либо призывами к совершению самоубийства. С точки зрения конструкции объективной стороны состав преступления формальный. Поэтому для привлечения виновного лица к ответственности юридического факта наступления последствий – в виде смерти потерпевшего в результате суицида не требуется. Под организацией подобной преступной деятельности понимается ее упорядочение, систематизация, структурирование, придание ей логически последовательного характера. Побуждением к совершению самоубийства есть вы-

зывание у потерпевшего определенных психоэмоциональных переживаний и страданий, формирующих у него решимость и непреодолимое желание покончить жизнь самоубийством. Распространение информации о способах совершения самоубийства - это действия, направленные на передачу и получение указанной информации неопределенным кругом лиц в данном случае через информационные сети, блоги, мессенджеры, электронные мультимедиа и пр. Под призывами к совершению самоубийства следует понимать выраженные в устной, письменной или конклюдентной (жесты, музыка, светозвуковые сигналы, изображения и т.д.) форме обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению самоубийства [4]. Другие способы совершения деяния законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы не предусмотрены, что означает исчерпывающий характер перечня.

Действия преступника должны обладать публичностью, т.е. выполняться путем выступления, обращения, демонстрации, размещения или иным способом доведения противоправной информации о методах и приемах совершения суицида до неопределенного круга лиц. Количество людей, ознакомившихся с данной информацией, или количество просмотров на интернет-ресурсах указанных материалов для юридической оценки совершенного деяния не имеют значения, даже если с этими публикациями ознакомился лишь один человек. Определяющим фактором здесь выступает общедоступность подобных призывов и информации для других лиц.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Кроме того, из диспозиции правовой нормы следует, что деятельность по организации самоубийства имеет цель – побуждение к совершению самоубийства. Преступные мотивы по организации самоубийства могут быть различными (месть, зависть, личная неприязнь, религиозные или национальные мотивы, удовлетворение психического расстройства и др.). Однако на квалификацию деяния и его юридическую оценку на стадии предварительного следствия они не влияют, в судебном заседании при вынесении обвинительного приговора некоторые мотивы (расовые, национальные, религиозные) могут быть рассмотрены как обстоятельства, отягчающие наказание для подсудимого.

Субъект рассматриваемого преступления общий – физическое вменяемое лицо не моложе 16 лет. Приговором Люберецкого городского суда Московской области от 6 марта 2019 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, был осужден к 6 годам лишения свободы гражданин Глазов А.Ю. Судом было установлено, что Глазов А.Ю., являясь пользователем социальной сети ВКонтакте, используя страницы аккаунтов «А. Глазов», «А. Глазик», «Аннубис Кит», «Николай Кротов», организовал деятельность, направленную на побуждение к совершению самоубийства и распространение информации о способах и приемах совершения самоубийства, создав форум ролевой игры под названием «На грани жизни». После чего вступил через информационно-телекоммуникационную сеть в электронную переписку с 5 потерпевшими. В переписке с ними Глазов А.Ю. разъяснял правила ролевой игры и давал участникам различных 30 заданий, к примеру, причинять себе телесные повреждения, фотографировать себя на крышах высотных многоквартирных домов и зданий, стрелах строительных башенных кранов, перебегать через железнодорожные пути перед движущимся на скорости поездом. Последнее, 30-е задание Глазова А.Ю. включало совершение несовершеннолетними самоубийства путем падения с крыши или балкона высотного здания. При этом Глазов А.Ю. переда-

вал указанным несовершеннолетним обязательные для просмотра и прослушивания аудио- и видеоролики со сценами насилия и осуществления суицида различными способами, тем самым формируя у несовершеннолетних психические расстройства и депрессивную направленность сознания с целью снятия психологического барьера, препятствующего совершению самоубийства предложенным им способом [5].

В настоящее время существует определенная дискуссия по вопросу об адекватности наказания за совершение данного противоправного деяния. Поскольку ответственность, предусмотренная санкцией ст. 110.2 УК РФ, приравнивается законодателем к ответственности за некавалифицированное умышленное убийство. Некоторые авторы видят в этом определенный диссонанс в существующую уголовную доктрину [3; 6]. Таким образом, криминализация рассмотренных преступных деяний продиктованным стремительным развитием компьютерных, информационных, коммуникативных, когнитивных и иных высоких технологий – активным использованием в молодежной среде социальных сетей, мессенджеров, айфонов, смартфонов и других мобильных компьютерных устройств, имеющих выход в Сеть, и которые не менее активно применяются преступниками в противоправных целях, в т.ч. против жизни и здоровья несовершеннолетних путем психотронного воздействия.

Вместе с тем полагаем, что выделение данных деяний в самостоятельные составы преступлений перегружает российское уголовное законодательство излишними правовыми нормами, усложняет квалификацию вышеуказанных преступных деяний, затрудняет обобщение и формирование единой судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлениях данного вида.

Думается, что включение указанных деяний в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, являлось бы более логичной и разумной мерой для систематизации российского уголовного законодательства. Кроме того, полагаем возможным криминализовать некоторые мотивы и цели в качестве квалифицирующих признаков. Например, «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» или «из корыстных побуждений или по найму», так как они придают преступлению повышенную общественную опасность и соответствуют тенденциям развития современной российской преступности, т.е. преобладания преступлений корыстной направленности, и совершенных с использованием информационных, коммуникационных, компьютерных технологий.

Несомненно, «суицидальные преступления», предусмотренные статьями 110-110.2 УК РФ обладают повышенной общественной опасностью, причиняют существенный вред отношениям в сфере охраны жизни человека, кроме того отличаются еще и бесчеловечностью, аморальностью, коварством преступника, крайней низменностью мотивов его поведения, поэтому их криминализация представляется вполне обоснованной. Поддержим авторов, считающих логичным предложение по установлению возраста уголовной ответственности за совершение данной группы преступлений с 14 лет [7]. Очевидно если лицо в таком возрасте, с позиции законодателя, способно сознавать фактический характер и общественную опасность убийства, оно точно так же может понимать, к каким общественно опасным последствиям могут привести и его действия, подходящие под квалификацию доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства; организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Список литературы:

1. Мещерякова, А.В. Выявление и пресечение деятельности лиц, склоняющих несовершеннолетних к суицидальному поведению с использованием сети Интернет // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – №6. – С. 137-143.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 24. Ст. 3489.
3. Евдокимов, К.Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2021. – № 12. – С. 34 - 38.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт. – 2017. Т. 2. // Доступ из справ. - правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. Уголовное дело № 1-74/2019 по обвинению Глазова А.Ю. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.2 УК РФ // Архив Люберецкого городского суда Московской области за 2019 г.
6. Аносов, А.В. Уголовное законодательство государств - участников СНГ о преступлениях, связанных с самоубийством несовершеннолетних / А.В. Аносов, И.В. Алексеев // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 4. – С. 31 - 34.
7. Красковский, Я.Э. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 126-129.

Sementsova I. A., Fedorova E. A. Problems of criminal responsibility for acts directed to suicide via the Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 372–378.

The article discusses the features of bringing to criminal responsibility for the commission of crimes provided for in articles 110-110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation using the global Internet. Adjacent compositions are differentiated according to the methods of commission and the resulting consequences. The legislator's attempt to distinguish between criminal liability for inciting suicide, assisting suicide and organizing activities aimed at inciting suicide from the general composition of incitement to suicide is critically assessed. It seems that inducement, assistance, as well as the organization of activities aimed at arousing the desire to commit suicide, is a special case of complicity in incitement to suicide. It is proposed to supplement the composition with qualifying features that give the crime an increased social danger.

Key words: Criminal liability, incitement to suicide, inducement to suicide, assistance in suicide, complicity.

Spisok literatury:

1. Meshcheryakova, A.V. Vyyavlenie i presechenie deyatel'nosti lic, sklonyayushchih nesovershennoletnih k suicidal'nomu povedeniyu s ispol'zovaniem seti Internet / A.V. Meshcheryakova, A.V. Cykora – Tekst : neposredstvennyj // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2022. – №6. – S. 137-143.
2. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mekhanizmov protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie detej k suicidal'nomu povedeniyu: Feder. zakon ot 07.06.2017 № 120-FZ // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 2017. – № 24. St. 3489.
3. Evdokimov, K.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 12.
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: V 4 t. / Otv. red. V.M. Lebedev. M.: YUrajt. – 2017. Т. 2. // Dostup iz sprav.- pravovoj sistemy Konsul'tantPlyus. – Tekst: elektronnyj.
5. Ugolovnoe delo № 1-74/2019 po obvineniyu Glazova A.YU. v sovershenii prestuplenij, predusmotrennyh ch. 2 st. 110.2 UK RF // Arhiv Lyubereckogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti za 2019 g.
6. Anosov, A.V. Ugolovnoe zakonodatel'stvo gosudarstv - uchastnikov SNG o prestupleniyah, svyazannyh s samoubijstvom nesovershennoletnih // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2018. – № 4.
7. Kraskovskij, YA.E. K voprosu o kriminologicheskoj obuslovlennosti ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s suicidom // Sovremennoe pravo. – 2019. – № 6. – S. 126 - 129.